

Somatic vocabulary as the means of reflecting the anthropomorphic cultural code (based on the Don Cossack dialects)

There are described the somatic units of the Don dialect (some lexemes and fixed combinations), which are the basic component of the language world picture of the Cossacks and reflect its anthropocentric orientation.

Key words: language world picture, anthropomorphic cultural code, somatic words, dialect, Don Cossack dialects.

(Статья поступила в редакцию 30.12.2013)

О.А. СУТОРМИНА
(Волгоград)

ЗООМОРФИЗМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Рассмотрены зооморфная лексика и фраземика донских казачьих говоров. Выявлены семантические и этнолингвокультурологические особенности зооморфизмов, характеризующих человека, окружающие его предметы и реалии действительности. Выяснены основные причины сравнения человека с животными, выявлены механизмы метафорических переносов.

Ключевые слова: донские казачьи говоры, диалектная языковая картина мира, зооморфизм, метафорическая модель.

Лексика и фраземика донских казачьих говоров – это хранилище этнокультурной информации, позволяющее получить представление об основных образах, стереотипах, эталонах, сложившихся в языковой картине мира донского казачества. В центре нашего внимания находятся названия животных, с помощью которых донские казаки метафорически характеризуют человека, а также те явления действительности, которые непосредственным образом связаны с его жизнедеятельностью (труд, социальные отношения, материальное состояние и т.д.). Такие «названия животных в образном, метафорическом переосмыслении для характеристики человека», а также связанных с ним предметов, понятий, явлений, называются

зооморфизмами [3, с. 14]. К изучению зооморфизмов обращались многие исследователи (С.Г. Ватлецов [2], Ф.Н. Гукетлова [3], И. Устуньер [8], А.А. Шарова [10] и др.). Мы рассматриваем зооморфизмы на материале донских казачьих говоров.

Животные неизменно присутствуют в жизни донского казака, в его хозяйственной деятельности и как объект наблюдения в дикой природе, поэтому логично, что, познавая окружающий мир, донские казаки неосознанно сравнивали себя и свое окружение с представителями животного мира. При этом сравнение происходило не только по внешним признакам, но и по особенностям поведения и жизнедеятельности. Возникающая благодаря ассоциативно-образному мышлению связь между сферами «человек» и «животное» нашла отражение в языке представителей донского казачества благодаря метафорическим моделям, которые донские казаки реализуют в своих речевых высказываниях. Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка схема, отражающая связь между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [9, с. 131]. Преобразуем данную формулу в формулу «X ← Y».

Ряд частных метафорических моделей обобщает базовая (ключевая) метафорическая модель, выделяемая «эмпирически обобщением семантических механизмов смыслообразования единиц лексического поля на основе единства признаков» [5, с. 148]. В основе зооморфных наименований и сравнений в донских казачьих говорах лежит базовая метафорическая модель «человек ← животное». Данная метафорическая модель предполагает разветвление на более частные метафорические модели типа «внешность человека ← внешность животного», «поведение человека ← поведение животного», «речь человека ← звуки, издаваемые животным» и др.

Так, при характеристике внешности человека актуализируется метафорическая модель «внешность человека ← внешность животного». Сильного и большого мужчину казаки называют *бугаем*: *Он, у, бугай, йаму фсе нипачем* [1, с. 57]. Бугай – это бык-производитель [6, с. 54]. Таким образом, сила и мощь человека у казаков ассоциируются с большим животным, используемым в хозяйственной деятельности. Устойчивое выражение *неэ́жженный жеребе́ц* метафорически описывает в донских каза-

чьих говорах сильного, крепкого, упитанного мужчину [6, с. 169]. Человек с грубым полным лицом ассоциируется у представителей донского казачества с собакой, у которой большая морда: «**Мурлан**. 1. Собака с большой мордой. *Да вот сабака яво, мурлан*. 2. О человеке с грубым полным лицом. *Мурлан – к палнате чилавека, асобинна када физианомя толстая*» [1, с. 291]. Сравниться могут также и отдельные части организма человека и животного. Так, очень худого человека казаки называют *кабаргой* (*Кабарга – пра чилавека гаваряць, если он худой, тощій* [6, с. 227]), сравнивая его со спинным хребтом, позвоночником как человека, так и животного: *Кабарга – эт пазваночник* [Там же]. Нижняя челюсть у человека ассоциируется у казаков с *зебрами* (зебры – органы дыхания у рыб, жабры [Там же, с. 207]: *А ты яво пад зебры, пад зебры бей!* [Там же]. Здесь актуализируется метафорическая модель «часть тела человека ← часть организма животного».

Наблюдения за поведением и особенностями жизнедеятельности животных дают нам метафорическую модель «поведение человека ← поведение животного». *Ходить на задних лапках* означает ‘держаться высокомерно, вести себя заносчиво’: *Ходить на задних лапках – задача* [1, с. 258]. Передвижение на задних конечностях, как правило, не свойственно представителям животного мира. Видимо, поэтому казаки так говорят о тех людях, которые выделяются из толпы своим поведением, в данном случае – высокомерием. Такое выражение не уникально для донского диалекта, оно есть и в литературном языке, но с другим значением, по сути противоположным – прислуживаться, угождать [7, т. 2, с. 164], т. е. в литературном языке данное выражение вызывает ассоциации с дрессированным животным, обученным выполнять определенные команды, «служить». С повадками петуха сравнивается поведение пожилого мужчины, который ухаживает за молодыми женщинами. Его казаки называют *старым кочетом*: *Ванька фсе питушыца, чиста кочит старый окала дифчат крутица* [1, с. 509]. Лай собаки казаки ассоциируют с человеком, любящим поскандалить, посплетничать, отсюда *собачий брех* – ‘сплетник, скандалист’ [6, с. 52]. Просторечное *брехать* обозначает ‘лаять’ (о собаках), а *брех* – ‘собачий лай’ [7, т. 1, с. 115]. Лай собаки ассоциируется с голосом бранящегося человека. Притворство, хитрость человека связываются в сознании казаков с повадками кошки, поэто-

му возникло зооморфное выражение *кошкины (кошиные) слезы* – ‘притворные слезы’: *Дите плацить, кашыныи слезы пускаить, ни хошца, а он плацить* [1, с. 239]. Еще одно негативное качество человека – злость – описывается в донских говорах с помощью зооморфизмов *змеяка* [от *змеяка* ‘змея’] и *змеюдла* (от *змеюка* ‘змея’) [Там же, с. 191]. В донском диалекте змея как опасное животное стала символизировать злость и агрессию у человека.

О крепком духом человеке говорит нам зооморфное выражение *волосье сердце*: *У каво крепкая сердца – хочь горя, хочь беда, а яму фсю равно. А нём гаваряць, што у няво валосья сердца* [Там же, с. 84]. Бык (вол) ассоциируется у казаков с физической силой, мощью. В данном случае происходит сравнение психологической стойкости человека с физической силой животного.

Для метафорической характеристики интеллектуальных способностей человека казаки используют зооморфное выражение *воронья голова* (‘глупый, неразумный человек’) [6, с. 113]. Здесь актуализируется модель «глупый человек ← неразумное животное».

Метафорическая модель «речь человека ← звуки, издаваемые животными» реализуется в зооморфных глаголах типа *брунчатъ/брунеть/брунжать* (1. Жужжать (о насекомых). 2. Пищать, зудеть (о комаре). 3. Хныкать, надоедливо выпрашивая что-л. (о детях): *Када Валька был малым, што захочить, брунчить и брунчить целый день, надасть* [1, с. 56]); *бунеть/бунить* (1. Реветь (о животных). 2. Гудеть (о жуке). 3. Громко плакать (о детях): *Пиристань ты бунеть – фсе ривеш и ривеш*. 4. Издавать монотонные звуки: *За стиною бунели целый вечер, дюжа надаели* [Там же, с. 61]); *воркотать/гуртовать* (1. Ворковать (о голубях). 2. Ласково говорить: *Маладыя нашы фсе варкочуть* [Там же, с. 86]); *звигать* (1. Лаять. 2. Говорить: *Ня звигай, звигаши, как сабака* [Там же, с. 187]); *бякать* (1. Издавать бляние, бляеть. 2. Говорить, вступать в разговор: *Ни бякай тут* [6, с. 63]) и в зооморфных выражениях типа *свиным голосом орать (кричать)* (громко, истошно, истерично) [Там же, с. 114]. Подобные ассоциации возникают благодаря подобию звуков, издаваемых животными и человеком (*бунеть, воркотать*), или основываясь на частоте издаваемых звуков (*брунчатъ*, где общая сема для 1-го и 3-го значений – ‘надоедливо’), или же с целью показать отрицательные стороны человеческого общения (*звигать, бякать, свиным голосом орать*).

С помощью лексем-зооморфизмов можно охарактеризовать особенности хозяйственной деятельности человека, его материального положения, быта. Так, чтобы емко и эмоционально наименовать плохого хозяина (хозяйку), донские казаки используют в речи зооморфизм *дудак* (*дудачка*). Почему плохого хозяина сравнивают с дудаком (дрофой), объяснить трудно, т.к. эта птица не имеет отличительных особенностей в обитании и жизнедеятельности. Видимо, такое сравнение плохого хозяина с дудаком связано с особенностями гнездования этих птиц. Дрофа строит гнезда прямо на земле, не заботясь о подстилке, в отличие от большинства других видов птиц [4, с. 266]. Очевидно, зная такую особенность обитания дудака (а эта птица нередко гнездится прямо на засеянной пашне), казаки и сравнивают с ней плохого хозяина (хозяйку): *Он дудак, за паряткам ни слядитъ. Чаво на ние глядетъта, ана дудачка* [6, с. 154].

Наблюдая за животными, человек неосознанно проводит параллель между отношениями внутри сообщества людей и особенностями взаимодействия животных в стаде, стае и т.п. Отсюда в донских казачьих говорах появляются значения глагола *гуртовать* – ‘собирать людей в группы, коллективы’ (прямое значение – ‘собирать животных в стадо’) [Там же, с. 128], существительного *отара* – ‘толпа’ (наряду с прямым значением ‘отара овец’) [1, с. 343], зооморфного выражения *рог к рогу, рог с рогом* – ‘о большой скученности’: *В нашым дома культуры фсигда рох с рогам* [Там же, с. 459].

Зооморфный глагол *гамкать* (в прямом значении ‘лаять, гавкать’) означает ‘браниться, ругаться’: *Мая папярвам тожа гамкала, патом притихла. Гамкай ня гамкай, а мужык па-сваяму делать будить* [6, с. 105]. Напротив, общительность, способность наладить отношения в коллективе характеризуются с помощью производного от лексемы *кочет* (петух): глагол-зооморфизм *сочетаться* означает ‘сойтись, сдружиться’. *Ну, нираздельная пара, скачитались* [1, с. 491]. Примечательно, что глаголы с тем же корнем, но без приставки имеют прямо противоположное значение: *кочетаться* и *кочетиться* – ‘горячиться, задираться’ (*В Маркинской гаварять качитацца, а у нас качитицца, када адин другова задирають* [Там же, с. 238], ср. в разговорном языке: *петух* ‘о задиристом, запальчивом человеке, забияке’; *петушиться* – вести себя задиристо, запальчиво, как петух [7, т. 3, с. 116]). На-

пряженные отношения между людьми в донских казачьих говорах характеризуются с помощью устойчивых конструкций *моль моля ест* (*да не съест*) ‘о тех, кто постоянно ссорится друг с другом’ (*Моль маля йистъ, да никак ни съйистъ: от грызуть адин аднаво*) [1, с. 286]; *червь поедает* ‘изводить друг друга попреками, бранью’ (*Там жывутъ, друг з другам ругаюцца, щерфь, щерфь паидаить*) [Там же, с. 573]. Метафорическая модель, актуализируемая в данном случае: «ссорящиеся люди ← насекомые, что-либо поедающие».

Названия животных и частей организмов животных используются в донском диалекте для метафорической характеристики трудовой деятельности человека. Так, если донской казак хочет сказать, что очень устал после тяжелого труда, он использует в своей речи выражение *с копыток (копытов) далой*: *Пришол дамой и с капыток далой, упал и спить. Умарилась дюжы — с капытов далой* [Там же, с. 232]. *Заячьим (заячьим) холодком* донские казаки называют место, где можно укрыться от работы: *Ей ни работать, ей нужын заячий холыдок* [Там же, с. 560]. В казачьем диалекте существительное *холодок* означает ‘шалаш’ [Там же], т.е. временную небольшую постройку. Очевидно, под выражением *заячий холыдок* подразумевается заячья нора, где это животное укрывается от хищников, т.к. еще одно значение зооморфного выражения *заячий холыдок* – ‘ненадежное укрытие, ветхое строение’ (перенос *холодок* → *укрытие*). Можно сказать, что метафорическая модель, актуализируемая в этом случае, – «место, где человек может избежать работы ← укрытие, где животное избегает опасности».

Названия животных донские казаки используют также в составе устойчивых сочетаний, имеющих количественное значение. Например, о большом избытке чего-либо говорит уже знакомая нам зооморфная глагольная конструкция *червь поедает* (в 1-м значении): *У яво черфь паидаить, а он фсе жадничайтъ, фсе яму мала* [Там же, с. 573]. О малом же количестве чего-либо казаки говорят *с комариный нос*: *Што и ты мне дала с комариный нос, капиллюшычку?* [1, с. 324]. Здесь сравнение основывается на очень маленьком размере насекомого.

Донские казаки употребляют в речи зооморфизмы для наименования различных предметов, необходимых в хозяйственной деятельности. Так, фразеологизм *кобель не перепрянет* (*перескочит*) может служить не

только для характеристики полного беспорядка где-либо, но и для обозначения толстой пряжи: *Так напряла, што и кабель ни тири-прянить* [1, с. 221]. О толстой пряже казаки могут сказать также *в кониную (конину) ногу: Да вот систра мая меньшая как напридеть у канинаю ногу — на иголках ни павирнеш* [Там же, с. 323]. Или, наоборот, о тонком, некрепком материале скажут *муха крылом пробьет: Такой матирыял плахой да слабый — муха крылом прабьет* [Там же, с. 292].

Различные украшения, приспособления, используемые при строительстве дома, части жилых построек в донских казачьих говорах сравниваются с животными или частями организмов животных. Так, украшение над окном, крыльцом – наличник – имеет зооморфное название *голубец* (в первом значении ‘птица голубь’) [Там же, с. 112]. Конек камышовой крыши (*конек* в литературном языке – ‘стык наклонных плоскостей двускатной крыши, гребень крыши’ [7, т. 2, с. 88]) казаки называют *петушиным гребешком* [1, с. 118]. *Гребешком* также называется огрех при покосе [6, с. 121]. В данных примерах метафорический перенос основывается на сходстве сравниваемых предметов по форме.

Сходство по форме наблюдаем и в следующих случаях: *гусыня* – ‘трехлитровая бутылка с длинным узким горлом’: *У нас раньшы в гусыни самагон разливали* // ‘Любая большая бутылка’: *Гусыню пива купил* [Там же, с. 129] (узкое горло бутылки сравнивается с гусиной шеей), *гривастый* – ‘волнообразный, подобный волнам’: *Юпки внизу были гривастыя, ани ни надбивались, кружыва такя* [Там же, с. 122] (волны на одежде сравниваются с гривой коня). Различные части одежды человека описываются также с помощью зооморфизмов: *гулюшка* (в 1-м значении ‘самка голубя, голубка’) ‘рукав особой формы – с оборочкой на плече (с крылышком)’: *Платя з гулюшками. Рукава з гулюшками, прибареныи. Кофта з гулюшками, как крылышки* [Там же, с. 126]; *хвост* ‘удлиненное заднее полотнище праздничной юбки’ [1, с. 555]. Таким образом, в данных случаях наблюдаем актуализацию метафорической модели «форма предмета ← форма животного или части животного организма».

Все метафорические переносы, лежащие в основе рассмотренных наименований и идиом, представляют собой частные модели, которые можно объединить в общую, базовую: «человек ← животное». Эта метафорическая модель не является уникальной для донских

казачьих говоров, но ее лексическая наполняемость отличается языковым своеобразием.

Анализируемые примеры употребления названий животных в качестве метафорической характеристики человека отражают особенности ассоциативно-образного мышления и восприятия мира представителями донского казачества. Эти особенности видны благодаря культурным коннотациям, содержащимся в лексическом значении зооморфизмов. Донские казаки употребляют в речи названия только тех животных, которые обитают на территории их проживания и постоянно находятся в поле зрения казака. Это прежде всего крупный рогатый скот (зооморфизмы *бугай, воловье сердце, рог к рогу, с копыток долой*), конь (*неезженный жеребец, в кониную ногу, гривастый*) и собака (*мурлан, собачий брех, звигать, гамкать, кобель не перепрянет*), т.е. животные, которые помогают казаку в его хозяйственной деятельности. Зооморфная лексика является составляющей языковой картины мира, поэтому, интерпретируя зооморфные наименования и конструкции в донских казачьих говорах, мы воссоздаем диалектную языковую картину мира донского казачества как лингвокультурологический феномен.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. М. : Рус. словари: Астрель, 2003.
2. Ватлецов С.Г. Систематика зооморфной лексики и ее англо-русская эквивалентность : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ниж. Новгород, 2001.
3. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
4. Жизнь животных: в 6 т. / под ред. Н.А. Гладкова, А.В. Михеева. М. : Просвещение, 1970. Т. 5.
5. Резанова З.И. Диалектный вариант универсальной метафорической модели «мир – это человек» // Язык и культура в евразийском пространстве : сб. науч. ст. XVI Междунар. науч. конф. Томск, 2003. С. 148–154.
6. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011.
7. Словарь русского языка: в 4 т. М. : Рус. яз., 1985–1988.
8. Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

9. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. 2-е изд., испр. М. : Флинта: Наука, 2007.

10. Шарова А.А. Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010.

* * *

1. Bolshoy tolkovyy slovar donskogo kazachestva. M. : Rus. slovari: Astrel, 2003.

2. Vatletsov S.G. Sistematika zoomorfnoy leksiki i ee anglo-russkaya ekvivalentnost : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nizh. Novgorod, 2001.

3. Guketlova F.N. Zoomorfnyiy kod kulturyi v yazykovoy kartine mira (na materiale frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazyikov) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2009.

4. Zhizn zhivotnyih: v 6 t. / pod red. N.A. Gladkova, A.V. Miheeva. M. : Prosveschenie, 1970. T. 5.

5. Rezanova Z.I. Dialektnyy variant universalnoy metaforycheskoy modeli «mir – eto chelovek» // Yazyik i kultura v evraziyskom prostranstve : sb. nauch. st. XVI Mezhdunar. nauch. konf. Tomsk, 2003. S. 148–154.

6. Slovar donskih govorov Volgogradskoy oblasti / avt.-sost. R.I. Kudryashova, E.V. Bryisina, V.I. Suprun; pod red. prof. R.I. Kudryashovoy. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd : Izdatel, 2011.

7. Slovar russkogo yazyika: v 4 t. M. : Rus. yaz., 1985–1988.

8. Ustuner I. Zoomorfnyaya metafora, harakterizuyuschaya cheloveka, v russkom i turetskom yazyikah : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2004.

9. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika. 2-e izd., ispr. M. : Flinta: Nauka, 2007.

10. Sharova A.A. Gendernyy aspekt zoomorfnykh obrazov (na materiale russkogo i angliyskogo yazyikov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yaroslavl, 2010.

Zoomorphisms in the language world picture of the Don Cossacks

There is considered the zoomorphic vocabulary and phrases of the Don Cossack dialects. There are revealed the semantic and ethnic linguocultural peculiarities of zoomorphisms characterizing a person, subjects and realities. There are found out the main reasons for comparison of a person with animals, revealed the mechanisms of metaphors creating.

Key words: *Don Cossack dialects, dialectal language world picture, zoomorphism, metaphoric pattern.*

(Статья поступила в редакцию 20.12.2013)

О.А. ГРИДНЕВА (ТРОФИМОВА)
(*Волгоград*)

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «МНОГО – МАЛО» В РЕГИОНАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Раскрываются проблема использования языковых единиц с количественной семантикой, а также средства и способы их реализации в региональных фольклорных текстах.

Ключевые слова: *семантическая оппозиция, «много – мало», количество, фольклор, категория, нумеративное значение.*

Категория количества присутствует во всех фактах окружающей действительности в имплицитной или эксплицитной форме. И это закономерно, т.к. данная категория является одним из элементов познания мира. Количество – философская категория, отображающая общее в качественно однородных вещах и явлениях. Простейшей формой количества является целое положительное число, которое возникает в процессе счета предметов [Новая философская энциклопедия..., с. 382]. Многие ученые обращались к проблеме функционирования и способам реализации категории количества как особо привлекательной для исследования. Так, одним из первых начал рассматривать данную категорию И.А. Бодуэн де Куртенэ, наметивший соотношение между языковой и математической количественностью. В современной науке имеется немало работ, в которых рассматриваются категория количества и способы ее выражения в разных языках (исследования С.А. Крылова «Количество как понятийная категория», А.С. Ноздриной «Аксиологический аспект категории количества», Л.Д. Чесноковой «Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке» и др.). В работах таких исследователей, как Е.В. Дубровина, А.А. Ким, С.И. Кравцова, А.И. Лашкевич, Г.И. Мишурова, также анализируются единицы с количественным значением – различные части речи (такие как существительные, глаголы и наречия), фразеологические единицы, словосочетания.

А.С. Ноздрина в своем исследовании обращает внимание на то, что «в рамках философского подхода количество интерпретируется через его связь с пространством, с единица-